

DOI 10.37386/2305-4077-2021-2-47-54

Д. Р. Гоперхоева¹*Российский государственный педагогический университет имени
А. И. Герцена*

РАЗМЫШЛЕНИЯ Н.В. ГОГОЛЯ О ПУТЕШЕСТВИИ ПО РОССИИ НА ФОНЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПУТЕШЕСТВИЙ А.С. ПУШКИНА

В статье рассматривается отношение А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя к путешествию и его описанию – травелогу. Материалом для анализа послужили «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 г.», статья «Путешествие из Москвы в Петербург» Пушкина и глава «Нужно проездиться по России» в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголя, где наиболее полно представлена путевая тематика. Отмечается, что Пушкин ценил жанр путешествия за его универсальность и возможность совмещать разные темы – как глобальные, так и частные. В отличие от него, Гоголь утверждал, что путешествия по России, наблюдения за ее жизнью помогут соотечественникам преодолеть невежество по отношению к самим себе и окружающему миру. Различия в подходах Пушкина и Гоголя обусловлены и тем, что они обращались к путевой тематике в разные периоды развития литературы путешествий в России.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, путешествие и его описание – травелог, «Путешествие в Арзрум», «Путешествие из Москвы в Петербург», «Нужно проездиться по России».

D. R. Goperhoeva*The Herzen State Pedagogical University of Russia*

REFLECTIONS OF N. V. GOGOL ABOUT HIS TRAVELS IN RUSSIA AGAINST THE BACKGROUND OF A. S. PUSHKIN'S LITERARY TRAVELS

The article discusses the attitude of A. S. Pushkin and N. V. Gogol to the journey and its description – a travelogue. The material for the analysis was “Travel to Arzrum during the campaign of 1829”, the article “Travel from Moscow to St. Petersburg” by Pushkin and the chapter “We need to travel around Russia” in “Selected Passages from Correspondence with Friends” by Gogol, where travel topics are most fully presented. It is noted that Pushkin appreciated the travel genre for its versatility and the ability to combine different topics – both global and private. In contrast to him, Gogol argued that traveling around Russia and observing its life would help compatriots overcome ignorance in relation to themselves and the world around them. The differences in the approaches of Pushkin and Gogol are also conditioned by the fact that they appealed to travel topics in different periods of the development of travel literature in Russia.

Keywords: A. S. Pushkin, N. V. Gogol, travel and its description – travelogue, “Journey to Arzrum”, “Journey from Moscow to St. Petersburg”, “We need to travel through Russia”.

¹ Дарья Рашидовна Гоперхоева, выпускница аспирантуры по кафедре истории русской литературы РГПУ им. А. И. Герцена.

Первую половину XIX в. можно назвать периодом, когда путешествия в России стали практически частью жизни образованных людей. «Общеизвестен “географический взрыв”, приходящийся на эту эпоху: так, в России только в 1815–1826 гг. было предпринято 15 кругосветных плаваний, 10 экспедиций в Арктику и более 20 путешествий в различные районы земного шара» [Гуминский, 1987, с. 184]. Такой интерес к странствиям обусловил популярность литературы путешествий – травелогов. А появление в конце XVIII в. подобных произведений, особенно «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина, утвердило моду на издание своих путевых записок. И хотя далеко не все авторы травелогов занимались литературой, но, по замечанию исследователя, само «пребывание за границей становилось достойным поводом и мощным стимулом для литературного творчества» [Куприянов, 2004, с. 64]. А. С. Пушкин и Н. В. Гоголь также не обошли путешествия своим вниманием. Обоим пришлось много странствовать, хотя направления и обстоятельства поездок были различны. И свои путешествия они отразили по-разному: Пушкин – в традиционной форме «Путешествия в Арзрум во время похода 1829 г.» (1835, опублик. 1836) и в статье «Путешествие из Москвы в Петербург» (1833–1835, опублик. 1841), Гоголь – в письме к А. П. Толстому «Нужно проездиться по России» (1845), которое стало главой «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1847). Интересно различие в отношении великих писателей к путешествию на фоне травелогов того времени.

Путешествия были неотъемлемой частью жизни Пушкина, он побывал во многих городах и селениях огромной империи. Поэт постоянно интересовался жизнью других стран, стремился побывать за границей, но это ему так и не удалось. Можно сказать, что его отношение к путешествиям и жанру травелога отразили и «Путешествие из Москвы в Петербург», и «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года». На последнем стоит остановиться подробнее, ибо в его основе – поездка, совершенная поэтом в 1829 г. В исследовательской литературе выдвигалось несколько причин его участия в походе (вплоть до подготовки бегства из России, по предположению Ю. Н. Тынянова).

Пушкин никогда отдельно не публиковал свои дорожные записи. И хотя основой «Путешествия в Арзрум» стал его дорожный дневник, эти довольно отрывочные записи автор подверг редакции, а также привлек достаточно широкий круг источников. По замечанию Я. Л. Левковича, записи из «арзрумской тетради» имеют характер не только путевых записок, но и личного дневника, ежедневных записей, которые «в силу лености» Пушкин множество раз забрасывал, но в этот раз все же довел до конца [Левкович, 1983, с. 7]. Возможно, такая целеустремленность в отношении арзрумских записей связана с исторической важностью похода и деятелями, с которыми Пушкин общался во время поездки. В принципе, такой подход – публиковать отредактированный дорожный дневник – характерен для литературы путешествий 1-й пол. XIX в.

Публикация «Путешествия» состоялась только через семь лет после похода, в 1836 г. Как утверждалось в одном из вариантов предисловия, автор не собирался печатать записки, так как считал их проявлением своей частной жизни

[Там же, с. 5]. На публикацию его подвигла книга дипломата Виктора Фонтанье «Путешествие на Восток», где было описание арзрумского похода, а поэты, принявшие участие в походе, названы «бардами, находящимися в свите», которые нашли «сюжет не поэмы, но сатиры» [Пушкин, т. VI, с. 639]. Поэт принял эти слова на свой счет и решил опровергнуть их. По предположению А. Долинина, замечание о поэтах Пушкин намеренно истолковал неправильно, а свои записки направил на опровержение некоторых эпизодов в книге Фонтанье, где действия русской армии были во многом описаны искаженно или в каком-то издевательском плане [Долинин, 2010, с. 108–111]. Пушкин подчеркивал, что издание «Путешествия» стало для него своего рода долгом чести, опровержением его «неблагодарности».

Какой бы ни была причина публикации, в этом отчетливо проявляется интерес Пушкина к литературе путешествий. Он не только сам обращается к данному жанру, но и предлагает друзьям опубликовать в журнале «Современник» их дневники, воспоминания о жизни в других странах. Так, например, он начинает печатать дневник А. И. Тургенева о жизни в Европе «Хроника русского». Л. А. Тартаковская высказала предположение, что с помощью литературы путешествий Пушкин продолжает свои поиски в области прозы, стремясь очистить ее от разного рода «ненужных украшательств» [Тартаковская, 1999, с. 213]. Поэтому он выбирает тот жанр, где материал, как правило, излагается конкретно. Во всяком случае, ожидается, что автор путешествия расскажет о жителях посещенного края, их быте, возможно, подчеркнет отличия от привычной ему и читателям жизни, охарактеризует природу данного места, пообщается с известной личностью, затронет исторические корни и т. д. Подобный набор ожиданий сформировался на основе традиционных описаний путешествия по Европе, ставших популярными в России после «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина. Таких описаний к 1830-м годам стало значительно меньше. Собственно, к традиционным описаниям европейских поездок можно отнести лишь записки А. Г. Глаголева и Н. И. Греча [см.: Глаголев, 1837; Греч, 1835, 1839]. В то же время стало больше описаний поездок по России. Неизменной читательской симпатией пользовались также «ориенталии».

Восточная тема отражена во многих произведениях Пушкина, а «Путешествие в Арзрум», по словам П. В. Алексеева, – самый значительный ориентальный тревелог в русской литературе [Алексеев, 2014, с. 5]. Фактически поэт не покидал границ империи, о чем писал с явным сожалением. Но большую часть времени он провел на территории, исконно не принадлежавшей России. Пушкин начал свой путь, «сделав крюк», чтобы посетить легендарного генерала А. П. Ермолова. Этот визит выглядит своеобразным вступлением к поездке: ведь именно Ермолов проводил политику покорения Кавказа.

В «Путешествии в Арзрум» Восток и Кавказ предстают как реальные пространства, далекие от сформированного в литературе романтического образа. В своем повествовании автор явно занимает позицию просвещенного европейца (это отмечалась во многих работах). Он не раз называет себя именно европейцем, цитирует античные произведения, европейскую классику, и даже описывая обряд осетинских похорон, которым был свидетелем, использует английское

стихотворение. При этом поэт стремится развенчать романтизированные представления об «экзотических краях». Он замечает: «Не знаю выражения, которое было бы бессмысленнее слов: азиатская роскошь» [Пушкин, т. VI, с. 692]. Таким образом он дает понять, что рассуждения о восточной красоте и роскоши преувеличены, и прямо говорит, что никаких богатств уже не осталось – есть только «азиатская бедность». Ведь само представление о «сказочных» восточных странах появилось благодаря многочисленным романам. В статье «Джон Теннер», рассуждая о современной ему жизни в Северной Америке, Пушкин указывает, что описания индейцев Шатобрианом и Купером имеют мало общего с реальностью [Пушкин, т. VII, с. 436]. Интересно соотнести эти слова с эпизодом посещения гарема в «Путешествии в Арзрум», где автор иронично замечает: «Таким образом, видел я харем: это удалось редкому европейцу. Вот вам основание для восточного романа» [Пушкин, т. VI, с. 698]. В статье «Джон Теннер» он приходит к заключению, что полагаться нужно на свидетельства людей, которые долго жили в этой среде и ее действительно знают. Можно сделать вывод: Пушкин стремился к тому, чтобы и «Путешествие в Арзрум» воспринималось как наблюдения образованного человека, не склонного поддерживать обычные стереотипы восприятия.

Вместе с тем, Пушкин затрагивает в «Путешествии» важнейшие темы, которые касаются его лично, например, давая оценки в целом своему творчеству и проблематике поэта и поэзии. На Кавказе он впервые побывал в 1820 г., и это вдохновило его на создание поэмы «Кавказский пленник». Спустя 9 лет Пушкин, вспоминая свои первые впечатления, утверждает, что стремился вернуться в те края, чтобы увидеть заново всё, что окружало его в молодости. Переоценке подвергается и его первая поэма Южного цикла: «Здесь нашел я измаранный список “Кавказского пленника” и, признаюсь, перечел его с большим удовольствием. Всё это слабо, молодо, неполно; но многое угадано и выражено верно» [Там же, с. 651]. Возможно, переосмысливая одну из своих ранних поэм, поэт хотел убедиться, что изменения в его творчестве гармоничны и происходят в нужное время, то есть использовал путешествие, чтобы дать верную оценку своему развитию.

Заметно, что у Пушкина было свое понимание, как следует излагать путевые впечатления. В первую очередь, он строил «Путешествие» как документальный рассказ, где образ путешественника – и биографически, и, так сказать, поэтически – близок автору, хотя его повествование нельзя назвать документальной прозой. Ему важна и теоретическая основа: для этого используется широкий круг источников. Но, пожалуй, главное – верно и точно передать свои наблюдения и впечатления, что должно быть продиктовано здравым смыслом, а не распространенным шаблоном.

В отличие от «Путешествия в Арзрум», статья «Путешествие из Москвы в Петербург» была написана не на основе какой-либо конкретной поездки. Если при описании арзрумского похода в образе путешественника явно угадывался сам поэт, то в «Путешествии из Москвы в Петербург» лишь слегка очерчен образ путешественника-домоседа в первой главе, а потом автор практически не обращается к нему, обосновывая свое повествование диалогом с «Путешествием из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. Очевидно, Пушкин не пытался даже

создать видимость того, что действительно останавливался на тех станциях, соответственно которым были названы главы радищевского «Путешествия», что путешествие с книгой в руках было совершено реально.

По замечанию Б. С. Мейлаха, «Пушкин не ставил своей задачей создавать параллельное Радищеву “Путешествие” (как это принято думать), а пользовался радищевским “Путешествием” для высказывания собственных соображений» [Мейлах, 1949, с. 218]. Это касалось важнейших проблем, насущных для «Путешествия из Петербурга в Москву», – жизни крестьян, русской деревни. Однако ряд исследователей (среди них Б. П. Городецкий, С. Л. Абрамович) высказывали сомнения: в полном ли объеме Пушкин раскрывал свое видение этих проблем или намеренно вводил в заблуждение цензуру. В период, когда поэт писал «Путешествие из Москвы в Петербург», он интересовался политикой, задумывал «пуститься в политическую прозу» [Там же, с. 219]. Поэтому можно заключить, что «Путешествие» и было такой попыткой политической прозы. И вполне вероятно, Пушкин обратился именно к форме путешествия благодаря разнообразию тем и вопросов, поднимаемых в травелогах. Ведь авторы в них могли сочетать исторический обзор, изображение народных нравов и трагические истории, чередовать философские размышления с описаниями дорожных приключений. «Путешествию из Москвы в Петербург» также свойственна определенная фрагментарность: сначала рассказывается о трудностях в дороге, сопоставляются Москва и Петербург, затем следуют размышления о цензуре, сравнение описанного Радищевым и современного автору положения дел, повествуется о жизни и деятельности М. В. Ломоносова.

Таким образом, можно заключить, что А. С. Пушкин считал путешествие универсальным жанром, позволявшим органично сочетать глобальные темы с частными, а также с личными авторскими мотивами.

В отличие от него, Гоголь не создал травелога, хотя и посетил множество европейских стран, совершил паломничество на Святую Землю, много ездил по России. Писатель считал, что путешествия благотворно влияют на него. В основном он сообщал о своих поездках в частных письмах родственникам и друзьям, но без явного намерения что-либо опубликовать. В 1840 г. Гоголь так высказался о путешествии по России, обсуждая подходы к нему в одном из своих писем: «При полном незнании земли своей утвердилось у всех гордая уверенность, будто знают ее, а между тем какую бездну нужно прочесть для того только, чтобы узнать, как мало знаешь, и чтобы быть в состоянии путешествовать по России...» [Гоголь, т. 14, с. 147]. В 1845 г. он написал письмо, которое затем стало главой «Выбранных мест из переписки с друзьями» под названием «Нужно проездиться по России». Там, в принципе, обсуждалась вполне конкретная ситуация: А. П. Толстой, адресат письма, был увлечен идеей уйти в монастырь, а Гоголь убеждал его, что рано удаляться от мира, ведь Толстой как талантливый руководитель еще способен сделать много полезного для развития государства. Однако многие гоголевские слова можно рассматривать как обращение ко всем равнодушным к жизни своей страны. В письме доказывается, что человек должен использовать свой талант для

служения людям, Отечеству. Путешествовать по России нужно, чтобы лучше ее узнать, только тогда можно понять, в чем нуждается страна: «Что ж? разве мало мест и поприщ в России? Оглянитесь и обсмотрите хорошенько, и вы его отыщете» [Гоголь, т. 8, с. 303]. Свою роль автор видел в раздаче «умного и душевного добра неимущим его» [Там же, с. 301]. И для себя он считал: «...чтобы лучше узнать Россию и русский народ, мне необходимо было бы путешествовать» [цит. по изд.: Воропаев, 2001, с. 37]. Ведь именно так, всё глубже вникая в национальный характер, он мог совершенствовать свое творчество, «душевное добро».

Лучше узнать, чем живут люди в «России нынешней», представлялось ему главной и самой интересной задачей путешественника: «Клянусь, человек стоит того, чтоб его рассматривать с бóльшим любопытством, нежели фабрику и развалину» [Гоголь, т. 8, с. 303–304]. Он подчеркивает, что жизнь в России постоянно меняется, поэтому нельзя довольствоваться устаревшими представлениями, путешествие же позволит увидеть современное состояние страны. Писатель указывает на тотальное равнодушие, на отсутствие желания узнать, как живут ближайшие соседи: «Велико незнание России посреди России» [Там же, с. 308]. Именно путешествие принесет эти знания, но «проездиться» тоже нужно правильно. Гоголь призывает избавиться от всех стереотипных представлений о российской жизни, не полагаться на собственный устаревший опыт, а изучать жизнь своей страны в различных ее проявлениях. Такое путешествие способствует и совершенствованию в духовном плане. «Взгляд Гоголя на Россию – это прежде всего взгляд православного христианина...» [Духовная проза, 2009, с. 31]. Действительно, для него как глубоко верующего человека самым неприятным и пагубным в современной ему российской жизни виделось то, что люди сами не осознают, как много они грешат. Именно на это стоит открыть им глаза, и тогда всеобщая бездуховность может быть побеждена. Таким образом, в письме «Нужно проездиться по России» путешествие предстает способом понять и преодолеть свое невежество по отношению к себе и окружающей жизни. Гоголь, вероятно, в большей степени, чем Пушкин, интересовался путешествием по России, настаивая на необходимости совершать такие поездки.

Одним из факторов этого различия можно считать время, когда Пушкин и Гоголь обращались к подобной тематике. В XIX в. развитие литературы путешествий проходило различные этапы, в частности, если в 1830-х годах жанр путешествия был в состоянии некоторого упадка, то в 1840–1850-е годы появляются новые травелоги, где описание иных стран поднимается на качественно иной уровень («Странствователь по суше и морям» Е. П. Ковалевского, «Письма из-за границы» Н. И. Анненкова и др.). Благодаря этому контрасту осознается недостаток «внутренних» травелогов – и призыв Гоголя «проездиться по России» становится своего рода откликом на эту потребность.

Можно заключить, что, при различном отношении к «применению» путешествия, в подходах к этому, А. С. Пушкин и Н. В. Гоголь – каждый по-своему – считали возможным поднимать важные актуальные темы при описании путешествий или же просто рассуждая о путешествиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев, П. В. Ориентализация пространства в «Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года» А. С. Пушкина / П. В. Алексеев // Вестник Томского гос. ун-та. – 2014. – № 382. – С. 5–12.

Воропаев, В. А. «Нужно проездиться по России...» / В. А. Воропаев // Московский журнал. История государства Российского. – 2001. – № 10. – С. 37–41.

<Глаголев; Греч> Глаголев А. Г. Записки русского путешественника, с 1823 по 1827 год / А. Г. Глаголев. – Санкт-Петербург: Тип. Императорской Российской Академии, 1837; Греч Н. И. 28 дней за границу, или Действительная поездка в Германию, 1835 / Н. И. Греч. – С.-Петербург: Тип. Н. Греча, 1837; Греч Н. И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции / Н. И. Греч. – С.-Петербург: Тип. Н. Греча, 1839.

Гоголь, Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. / Н. В. Гоголь. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1937–1952.

Гуминский, В. М. Открытие мира, или Путешествия и странники / В. М. Гуминский. – Москва: Современник, 1987. – 286 с.

Долинин, А. А. Пушкин и Виктор Фонтанье / А. А. Долинин // Европа в России: Сб. ст. – Москва: НЛЮ; Хельсинки: Кафедра славистики Университета Хельсинки, 2010. – С. 105–124.

<Духовная проза> Духовный путь Н. В. Гоголя: в 2 ч. – Москва: Русское слово, 2009. – Ч. 1. Духовная проза. – 398 с.

Куприянов, П. С. Русское заграничное путешествие начала XIX века: Парадоксы литературности / П. С. Куприянов // Историк и художник. – 2004. – № 1. – С. 59–73.

Левкович, Я. Л. Кавказский дневник Пушкина / Я. Л. Левкович // Пушкин: Исследования и материалы. – Т. 11. – Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1983. – С. 5–26.

Мейлах, Б. С. «Путешествие из Москвы в Петербург» Пушкина / Б. С. Мейлах // Известия АН СССР. Отд. литературы и языка. – 1949. – Т. VIII, вып. 3 (май – июнь). – С. 216–228.

Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. / А. С. Пушкин. – Ленинград: Наука, 1963–1965.

Тартаковская, Л. А. «Путешествие в Арзрум»: художественное исследование Востока / Л. А. Тартаковская // Пушкин и мир Востока: [сб. ст.]. – Москва: Наука, 1999. – С. 211–229.

REFERENCES:

Alekseev, P. V. Orientalizaciya prostranstva v «Puteshestvii v Arzrum vo vremya pohoda 1829 goda» A. S. Pushkina / P. V. Alekseev // Vestnik Tomskogo gos. un-ta. – 2014. – № 382. – S. 5–12.

Dolinin, A. A. Pushkin i Viktor Fontan'e / A. A. Dolinin // Evropa v Rossii: Sb. st. – Moskva: NLO; Hel'sinki: Kafedra slavistiki Universiteta Hel'sinki, 2010. – S. 105–124.

<**Duhovnaya proza**> Duhovnyj put' N. V. Gogolya: v 2 ch.– Moskva: Russkoe slovo, 2009.– CH. 1. Duhovnaya proza.– 398 s.

<**Glagolev; Grech**> Glagolev A. G. Zapiski russkogo puteshestvennika, s 1823 po 1827 god / A. G. Glagolev.– SPb.: Tip. Imperatorskoj Rossijskoj Akademii, 1837; Grech N. I. 28 dnej za graniceyu, ili Dejstvitel'naya poezdka v Germaniyu, 1835 / N. I. Grech.– SPb.: Tip. N. Grecha, 1837; Grech N. I. Putevye pis'ma iz Anglii, Germanii i Francii / N. I. Grech.– SPb.: Tip. N. Grecha, 1839.

Gogol', N. V. Polnoe sobranie sochinenij: v 14 t. / N. V. Gogol'.– Moskva: Izdvo AN SSSR, 1937–1952.

Guminskij, V. M. Otkrytie mira, ili Puteshestviya i stranniki / V. M. Guminskij.– Moskva: Sovremennik, 1987.– 286 s.

Kupriyanov, P. S. Russkoe zagranichnoe puteshestvie nachala XIX veka: Paradoksy literaturnosti / P. S. Kupriyanov // Istorik i hudozhnik.– 2004.– № 1.– S. 59–73.

Levkovich, Ya. L. Kavkazskij dnevnik Pushkina / Ya. L. Levkovich // Pushkin: Issledovaniya i materialy.– T. 11.– Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie, 1983.– S. 5–26.

Mejlah, B. S. «Puteshestvie iz Moskvy v Peterburg» Pushkina / B. S. Mejlah // Izvestiya AN SSSR. Otd. literatury i yazyka.– 1949.– T. VIII, vyp. 3 (maj – iyun').– S. 216–228.

Pushkin, A. S. Polnoe sobranie sochinenij: v 10 t. / A. S. Pushkin.– Leningrad: Nauka, 1963–1965.

Tartakovskaya, L. A. «Puteshestvie v Arzrum»: hudozhestvennoe issledovanie Vostoka / L. A. Tartakovskaya // Pushkin i mir Vostoka: [sb. st.].– Moskva: Nauka, 1999.– S. 211–229.

Voropaev, V. A. «Nuzhno proezdit'sya po Rossii...» / V. A. Voropaev // Moskovskij zhurnal. Istoriya gosudarstva Rossijskogo.– 2001.– № 10.– S. 37–41.